

УИЛЬЯМ ГАЛЛАХЕР

Президент Коммунистической партии Великобритании

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Исполнилось 40 лет со дня основания Коммунистического Интернационала. Бóльшая часть моей политической жизни прошла в борьбе под знаменем этой боевой международной организации, оставившей глубокий след в мировой истории. Многие из тех, кто боролись рядом со мной, уже ушли из жизни, и ныне, вспоминая о деятельности Коммунистического Интернационала, я склоняю голову пред их светлой памятью.

Когда началась первая мировая война, все социал-демократические партии воюющих стран, за исключением партии большевиков, оказались в плену у обманщиков рабочего класса, предателей его интересов. II Интернационал рухнул, как карточный домик. После краха II Интернационала В. И. Ленин предложил переименовать РСДРП в Коммунистическую партию, сохранив на том этапе ее историческое название — большевиков. Он не хотел, чтобы наименование подлинно марксистской партии напоминало тех, кто предал Социалистический Интернационал. Новый Интернационал должен был объединять в своих рядах верных делу социализма людей во всех странах.

Лично мне не довелось присутствовать на историческом I конгрессе Коммунистического Интернационала, состоявшемся в Москве в марте 1919 г. Он подготовил почву для II конгресса, на котором предстояло разработать стратегию и тактику мирового коммунистического движения по всем основным политическим и организационным вопросам. На этом конгрессе я вместе с другими представлял левое крыло английского рабочего движения, будучи делегатом от Шотландского рабочего комитета.

Что прежде всего встает в моей памяти, когда я вспоминаю об этих днях? Простой и великий образ Ленина. В Ленине постоянно чувствовалась жизнерадостная бодрость, непоколебимая уверенность в правоте дела коммунизма, сочетавшаяся с глубокой проницательностью. Глядя на него, ни у кого из нас, коммунистов, не возникало сомнений в окончательной победе. Само его присутствие действовало вдохновляюще. Это был гениальный мастер революции. Поразительно, с какой силой его собственная убежденность заражала окружающих. Вернувшись после конгресса на родину, я сказал моим товарищам: «Когда находишься в присутствии Ленина, думаешь только о революции». Никогда не забуду, какое трогательное внимание Ленин проявлял лично ко мне; о таком же внимании к ним рассказывали и другие товарищи. Ленин был приветлив, дружелюбен и отзывчив. Оглядываясь назад, я с изумлением вспоминаю, как терпеливо он работал с нами в те дни. Ленин внимательно прислушивался ко всем делегатам, хотя среди них тогда было, как известно, и немало сектантов и оппортунистов; он давал разъяснения по любому важному вопросу, старался каждому помочь стать на правильный путь. И это было в те дни, когда ум его был поглощен требовавшими безотлагательного решения жгучими вопросами борьбы с белогвардейцами и интервентами. Казалось,

он никогда не устает. Особенно активное участие Ленин принимал в работе политической комиссии и комиссии по профсоюзам.

Мы видели, как комсомольцы шли на фронт защищать молодую Советскую Республику. Их вдохновлял Ленин, и их героизм вдохновлял Ленина. Все мы, делегаты II конгресса Коммунистического Интернационала, чувствовали, знали, что никакие трудности, никакие страдания не смогут сломить революционное мужество советских людей, молодых и старых, в военной форме и без нее. То, очевидцами чего мы были в Москве, оказало на нас, делегатов, огромное влияние. Укрепилась наша собственная решимость действовать, проявлять выдержку, преодолевать сопротивление. Ведь и задача, стоявшая перед нами, — создать мощную, единую мировую коммунистическую организацию — казалась в те дни неимоверно трудной.

Вспоминая те далекие дни, я думаю о настоящем и вижу, что мы были правы. Я вновь вижу перед собой Ленина, руководящего заседаниями II конгресса Коминтерна, и понимаю, почему нам, коммунистам, удалось перешагнуть через все преграды истекших четырех десятилетий.

На конгрессе я был главным оратором англо-американского «левацкого» крыла. Немудрено, что на мою долю досталось немало тяжелых, но справедливых ударов за наши «загибы». К нашей группе принадлежал американец Джон Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир». Нас сблизило то, что он так же не выносил беспринципных оппортунистов из Социалистической партии Америки, как я — правых политиканов из лейбористской партии Англии. Джона Рида на всю жизнь глубоко взволновало увиденное им в России в великие Октябрьские дни.

Я присутствовал и на III конгрессе Коммунистического Интернационала в 1921 г., на котором решения предыдущего конгресса рассматривались в свете опыта работы и борьбы за истекший год. Снова разгорелись горячие споры, но я уже не был «леваком», а твердо стоял на позициях марксиста-ленинца.

В 1923 г. я вновь приехал в Москву и оказался в советской столице в тот самый вечер, когда было объявлено об ультиматуме, предъявленном Керзоном Советской Республике. С вокзала товарищи привезли меня прямо в Большой театр, где в это время происходил митинг, созданный, чтобы дать достойный ответ наглým требованиям империалистов. Я вошел в зал и поднялся на трибуну президиума. В ложе сидели члены дипломатического корпуса. На глазах у буржуазных дипломатов я, представитель английских рабочих, братски приветствовал русских рабочих.

Вспоминаю многих выдающихся товарищей, с которыми я встречался на конгрессах Коминтерна в первые годы его существования.

Особое место среди них занимал Георгий Димитров, выдающийся деятель международного коммунистического движения, герой лейпцигского единоборства с фашистской юстицией. Он и его замечательный друг Коларов навсегда запомнились мне. Их выступления отличались марксистской глубиной и продуманностью. Среди французов выделялся Марсель Кашен, умерший недавно в возрасте 89 лет. Вся его долгая жизнь прошла в битвах за социализм. От левого крыла французских профсоюзов на II конгрессе присутствовали блестящий оратор Монмуссо и представитель железнодорожников Пьер Семар, в годы второй мировой войны казненный после жестоких пыток гитлеровцами. Он был одним из лучших. С ним был пылкий молодой Лефевр, погибший на обратном пути во Францию где-то в океане между Мурманском и Вардö. Один из итальянских делегатов II конгресса Коминтерна, товарищ Террачини, ныне сенатор, по сей день борется в рядах коммунистической партии своей страны.

Вот Феликс Дзержинский, сыгравший такую выдающуюся роль в борьбе с контрреволюцией и в восстановлении разрушенного народного хозяйства. Я часто встречался с ним. Сергеев-Артем, руководитель советских шахтеров. Я представлял горняков Шотландии и, вполне естественно, подружился с ним. Оказалось, он провел несколько лет в эмиграции в

Австралии и бегло говорил по-английски. От него я многое узнал об истории партии большевиков. Когда произошел раскол РСДРП, он вместе с другими молодыми членами партии без колебания стал на сторону Ленина. Артем рассказывал мне и об опыте подпольной работы в России. Вот Шмераль, старый чешский социалист, известный всем работникам Коминтерна, всегда готовый взяться за любое дело. Сен Катаяма, героический представитель японского рабочего класса. Не многие из делегатов пользовались на конгрессах таким всеобщим уважением и сердечным отношением, как он.

Женщины-делегатки. Одно из самых первых мест, я думаю, следует отнести среди них Кларе Цеткин, ветерану германского рабочего движения. Какой это был обаятельный и преданный делу товарищ! Никогда не сгибаясь, она продолжала борьбу до последних дней своей жизни. От Англии присутствовали две шотландки — Марджери Нельсон, умершая молодой, и Элен Кроуфорд, прожившая 75 лет, до конца оставаясь верной своей партии. Помню в числе делегатов и советского дипломата Александру Коллонтай.

Большую работу среди делегатов проводила Н. К. Крупская. Все они рассказывали нам, что многому научились от нее в ходе дискуссий, которыми она руководила. Глубокое впечатление производила и Елена Стасова, занимавшаяся в Коминтерне организационными делами. Ее авторитет стоял так высоко, что обычно достаточно ей было высказаться по тому или иному организационному вопросу, чтобы вопрос этот был решен. Мы всегда говорили о ней с теплотой и уважением. Я был искренне рад после долгого перерыва повстречаться с ней в 1956 г., когда приехал в Москву на Октябрьские торжества, и сейчас мысленно жму ей руку.

Делегаты на конгрессы Коминтерна прибывали со всех частей света. Всех нас волновали свои проблемы, касавшиеся наших собственных стран, но все мы с напряженным вниманием следили за борьбой партии большевиков по решающим вопросам строительства социализма в одной стране. Оппозиционеры вели себя совершенно беспринципно. Не получая поддержки в партии, они прибегали к самым различным приемам, чтобы привести в замешательство и сбить с толку делегатов Коминтерна. Но это им не удалось, и в этом большая заслуга И. В. Сталина, который, руководствуясь ленинскими идеями, при помощи ясных, хорошо продуманных аргументов разоблачал враждебную делу социализма политику оппозиции. Жизнь подтвердила возможность и реальность строительства социализма в одной стране, и ныне советский народ, приступая к осуществлению величественной семилетки, делает новый важный шаг на пути к коммунизму.

Оппозиция сделала все, чтобы использовать в своих интересах поражение германского пролетариата в 1923 г. Помню, с каким волнением следили мы за назревавшей тогда в Германии революцией. В Саксонии было создано правительство из коммунистов и социал-демократов, выступившее с социалистической программой. Берлинские власти послали против Саксонии войска под командованием генерала Мюллера с приказом свергнуть новое правительство. В то время как Мюллер двигался на Саксонию, в Хемнице (ныне этот город носит имя великого вождя и учителя международного пролетариата Карла Маркса) была созвана конференция, которая должна была дать сигнал к восстанию рабочих по всей Германии. Революция стояла на повестке дня. Германский пролетариат ждал ее и был готов к действию.

Я присутствовал на конференции в Хемнице в качестве гостя. В зале шли заседания, на улице проходило обучение Красной Гвардии. Председательствовал коммунист, член саксонского правительства, но с речами выступали социал-демократы, даже не помышлявшие о том, чтобы вступить в бой. Я был поражен и возмущен. Когда я спросил, где же руководители германской компартии Брандлер и Тальгеймер, которые должны были направить конференцию по революционному пути, мне сказали, что

они где-то наверху. Я поднялся наверх и нашел их. Брандлер и Тальгеймер сидели за столом и выглядели очень занятыми людьми. Оказалось, что они готовили манифест, обращенный к... английским рабочим, которым предлагалось защищать «свободную Германию», которую нужно было еще завоевать! Они занимались этим в те часы и минуты, когда внизу предавали германскую революцию; обращались к английским рабочим, когда уплывала возможность обратиться к германским рабочим. Тальгеймер уже умер, а Брандлер, кажется, жив. Помнит ли он, как прятался в те часы от революции? Возможности революции были упущены. Дело революции было проиграно. Только Эрнст Тельман и его сподвижники в Гамбурге в те дни показали, что могут сделать восставшие рабочие. Уже после начала вооруженных боев в Гамбурге Тельману сообщили решение оппортунистического руководства о том, что всегерманского восстания «пока не будет». Поражение в Германии было тяжелым ударом не только для немецких трудящихся, но и для всего международного пролетариата.

В Коминтерне мне приходилось заниматься и вопросами движения в колониальных и зависимых странах. Я был председателем комиссии, изучавшей положение в Южной Африке. Помню, как мы пришли к выводу, что необходимо включить негров в руководство коммунистическим движением Южной Африки, которое тогда возглавлял Билл Эндрюс, один из лучших наших товарищей. Я также руководил комиссией по китайским делам, созданной после Кантонского восстания.

В 1936 г., когда я был членом английской палаты общин, Коммунистическая партия Канады пригласила меня совершить агитационную поездку по этой стране. Намереваясь проехать через Соединенные Штаты и по пути побывать в Чикаго на свадьбе моего племянника, я запросил американскую визу. Мне было отказано, и, как было заявлено, вовсе не потому, что я коммунист, а потому, что являлся членом «небольшой организации, известной под названием Исполком Коммунистического Интернационала». Поднялась буря протестов, но государственный департамент был неумолим, и на свадьбу племянника я так и не попал.

В 1937 г. я в последний раз присутствовал на заседании Исполкома Коминтерна. До конца второй мировой войны мне уже не представилась возможность побывать в Москве, а во время войны было принято решение о роспуске Коминтерна. Это безусловно правильное решение было вызвано тем, что братские коммунистические партии к тому времени уже достигли своей идеологической зрелости и укрепились на незыблемом фундаменте марксизма-ленинизма. Хотя прежней международной коммунистической организации теперь, в силу новых исторических условий, не существует, дух пролетарского интернационализма жив, и это — результат долголетней руководящей и направляющей деятельности Коминтерна. Братские коммунистические и рабочие партии научились самостоятельно решать стоящие перед ними задачи в соответствии с условиями в своих странах. Они верны урокам, извлеченным из опыта работы Коммунистического Интернационала. Мы видели это недавно на примере краха попытки югославских ревизионистов оживить труп бернштейнианства и внести разброд в ряды международного коммунистического движения.

Жиздущийся на учении марксизма-ленинизма пролетарский интернационализм был, есть и всегда будет той неодолимой силой, которая сплачивает коммунистов всех стран в борьбе за победу великих идей научного коммунизма. Вот почему в 40-ю годовщину основания Коммунистического Интернационала я с гордостью отдаю должное проделанной им огромной работе по воспитанию самоотверженных борцов за коммунизм и с благодарностью вспоминаю, сколь многому я научился, участвуя в ней.

Wm Callaghan